

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 16

15 декабря 1943 года

№ 16

содержание:

Народ против Сталина —
И. Свободин

★

Пятому Донскому — два года
— Вас. Кабанов

★

В неравных боях — П. Панов

★

Рапорт — рассказ Е. Якименко

★

Исторические очерки Дона —
П. Н. Краснов

★

Роль общественных организа-
ций в восстановлении сель-
ского хозяйства — С. Ма-
ракуев

★

Шиншиллы — Н. Владимиров

★

Гетман (продолжение) — по-
весть Т. Левшиной

★

Слышишь ли, Дон? — стихо-
творение В. Мосичкина

Молодые казаки-пехотинцы обучаются
искусству гранатометания

Адрес редакции: „Kosakenposten“ Ф.Р. Nr. 02306

Народ против Сталина

Вследствие стратегического сокращения германской линии обороны, большевикам удалось временно вернуть некоторую часть освобожденных областей, но где бы германские войска не отходили, население решительно и без колебаний устремляется за ними, покидая обжитые места и налаженное хозяйство.

Этот факт неопровержимо и лучше всего свидетельствует о подлинном настроении нашего народа. Он против Сталина и его жидовской клики. Недавно, например, войдя в оставленный немцами Новороссийск, большевики не обнаружили в городе ни одного жителя. Все, без исключения, население Новороссийска, при поддержке и содействии германских властей, покинуло город заблаговременно, когда выяснилось решение командования временно оставить город. Длинными колоннами телег, груженных домашним скарбом, растянулись беженские массы по кубанским степям, торопясь уйти от большевиков, сеющих ужас и смерть среди беззащитного населения.

Но глубоко ошибся бы тот, кто увидел бы в настоящем стратегическом отходе германских войск признак слабости и военного поражения немцев. Они обладают достаточно выигранной территорией, что позволяет им вести маневры любого характера, любого масштаба. Как мы видим, отходное движение проводится без рывков, планомерно, методично, потому — что это не отступление в настоящем смысле слова, а операция, осуществляющаяся по строго обдуманному и проверенному плану.

Недавно плутократы высадились в Италии и раздули вначале это событие в триумф англо-американского оружия, но последовавший затем ряд тяжелых ударов и колоссальные потери, заставили «победителей на час» притихнуть и даже признаться откровенно, что война в Италии еще очень далека от своего завершения.

Жидовские пропагандисты Сталина пользуются сейчас мнимыми успехами Красной армии, чтобы изобразить оставление немцами Харькова, Полтавы, Брянска и Смоленска, как триумф советского оружия и поражение немцев. Но они так же прекрасно понимают, что до конца борьбы еще очень далеко, а праздновать победу им нет никаких оснований.

Внимание Гитлера сейчас поглощено тем, чтобы надблещим образом направить военные события в Италии. Никто во всем мире серьезно не верит, что отступление немцев на Восточном фронте вызвано слабостью, и что оно будет долго продолжаться. Напротив, все серьезные люди признают, что это вполне зрелое и обдуманное военное мероприятие, цель которого в свое время выяснится для всех. Такая точка зрения подтверждается рядом заграничных газет. Даже союзники большевиков не верят больше сводкам советского информбюро. В то время, как немецкие войска, согласно разработанному генеральному плану очищают те или иные населенные пункты, большевики приходят туда на пустое место, а в один прекрасный день они дойдут до намеченного германским командованием предела, после чего германские дивизии снова ударят по ним так, как они того и не ожидают. Мы не забыли блестящих стратегических операций 1941 и 42 годов, когда были взяты в плен миллионы красноармейцев. Мы не забыли блестящего похода, в котором германская армия в кратчайший срок достигла предместий Москвы. И мы совершенно уверены, что концентрированные силы всей Европы продолжают свой поход, а в нем снова проявятся с прежней силой стратегический гений немецких полководцев и непреодолимая стойкость немецких

солдат. С другой стороны, нет сомнений, что к этому времени сопротивляемость Красной армии сильно снизится.

Чтобы получить представление о том, что творится сейчас в Советском Союзе, достаточно хотя бы поверхностно ознакомиться с плутократической печатью, полной обоснованных тревог. Несколько дней назад «Дейли Экспресс» опубликовал интересный рассказ английского капитана Рикенбекера, недавно вернувшегося из СССР. Он говорит, что в советской военной промышленности работают сейчас только китайские кули, женщины и дети не старше семнадцати лет. Все сколько-нибудь трудоспособные мужчины давно уже призваны в армию. Капитан Рикенбекер того мнения, что Сталин скоро уже не в состоянии будет набрать необходимое количество пушечного мяса для продолжения войны. Но наибольшей угрозой для сталинского режима является продовольственное положение Советского Союза.

Это свидетельство английского очевидца говорит нам больше всей большевицкой пропаганды. Оно лишний раз объясняет настроение и поведение русского населения, следующего за германскими войсками, предпочитавшего жить в оккупированной немцами территории, чем оставаться на произвол чекистского террора и на смертельный голод. Все хорошо знают со слов перебежчиков, какая участь ожидает всякого, кто рискнет остаться у большевиков. Известно, что таких смельчаков большевики посылают вглубь Сибири на каторжные работы, либо используют их для очистки минированных полей. В последнем случае, люди обречены на верную и скорую смерть.

Кроме того, восстановлением колхозов, большевики лишают крестьян последней иллюзии сохранить хоть часть собственного урожая.

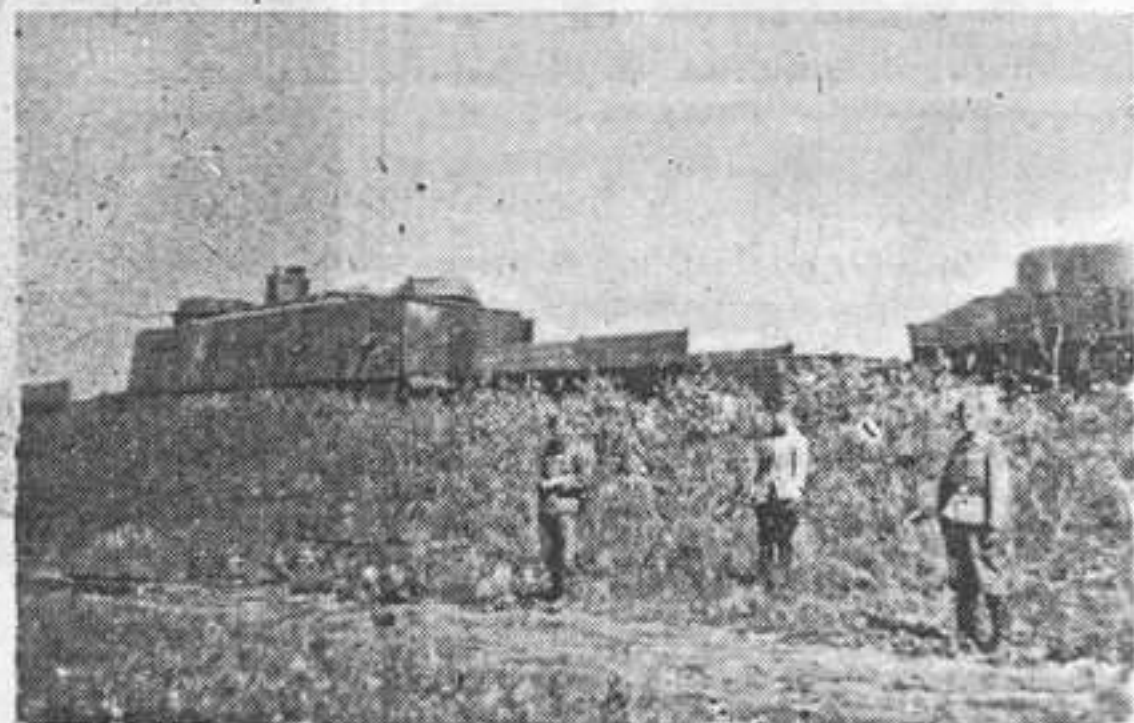
За последние два года мы положили основание нашего нового светлого будущего. Все, что мы сейчас имеем, добыто кровью немецких солдат и нашим трудом. Все это мы должны уберечь от посягательств большевиков.

С твердой верой в окончательную победу, мы должны сейчас, в ответственный момент, удвоить наши силы в борьбе против большевицкого чудовища.

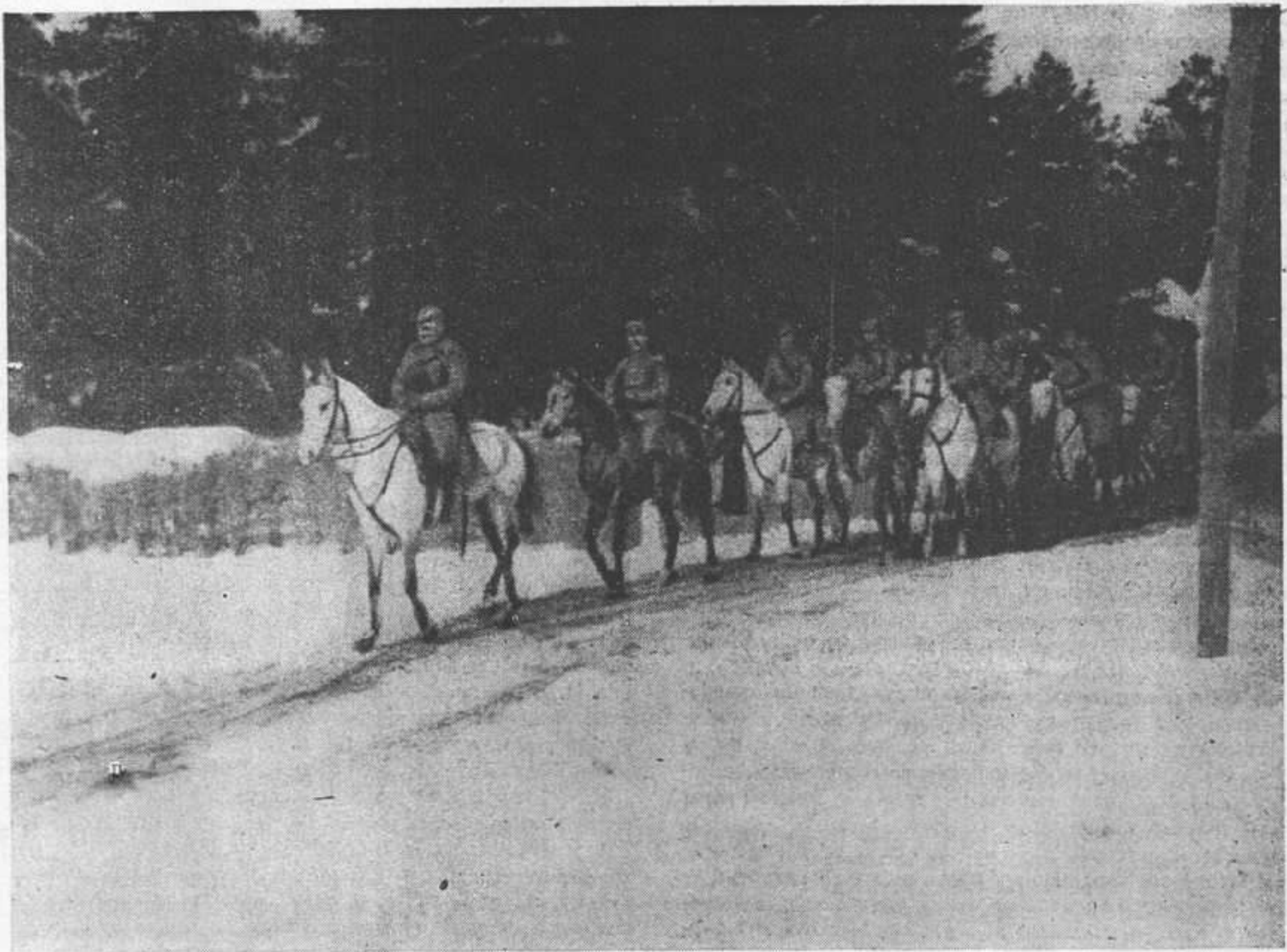
Каждый, кто любит свою землю, кому дорога ее тысячелетняя славная история, должен сейчас видеть перед собой одну святую цель: окончательное раскрепощение нашей Родины от мертвящих пут большевизма.

В борьбе за эту цель мы готовы отдать все свои силы!

Игорь Свободин

Подбитый советский бронепоезд

Конный взвод штаба первого сводного казачьего полка

Пятому донскому — два года

(От нашего специального военного корреспондента)

Придавливая, попадающие под ноги, побуревшие пни срезанных кукурузных будыльев, командир обходит эскадроны своего 5-го Донского полка. Впившись в знакомые лица казаков, командир, как-бы проверяет мысли каждого; кроме довольной улыбки он ничего не находит. Командир прячет, в обрамляющих рот усах, улыбку и проходит дальше, к следующему эскадрону. Как вода на перекатах, однообразно звучат рапорты командиров эскадронов.

Командир полка обошел эскадроны. Просмотрел каждого. В глаза каждому ласково заглянул, а потом вышел в центр каррэ.

На дороге показались автомобили. Подошли и остановились. Впереди — знакомая машина генерала.

Приняв рапорт командира 5-го Донского кавалерийского полка — подполковника И. Н. Кононова, командир дивизии генерал-майор фон-Панвиц поздравил его с двухлетием полка и вместе с ним отправился к эскадронам — на парад.

Парад — не на парадном плацу, но казачий парад и в полевой обстановке торжествен. В дрожащую осеннюю синь из медных глоток полкового оркестра выплескиваются стройные звуки военного марша. Время от времени октябрьское утро разрывается стройными, как винтовочный залп, «ура». Обеспокоенные непривычным яв-

лением, с деревьев черной тучей сорвались галки; они долго описывают круги над притихшим селом.

Парад принят. Генерал и подполковник выходят в середину строго сомкнувшихся эскадронов. Короткая речь генерала обрывает торжественный марш...

Несколько дней тому назад полк пришел сюда с боевых операций, в которых он потерял на поле боя погибшего смертью храбрых, своего ротмистра Сушкова. У всех еще свежая память об этом человеке — презиравшем смерть и своей храбростью увлекавшем казаков в места, где мог разгореться, или разгорался уже, бой. Не забыл генерал, напомнил казакам об их офицере, но вместо печали, вызвал этим еще большую решимость суровой борьбы.

Последние слова генерала покрываются грохочущим тушем оркестра.

Командир полка поднял руку и все умолкло. Стало тихо, как на снежном поле в морозный безветренный день. В эскадроны полетели слова командира и сразу же из шеренг вырвались казаки, унтерофицеры, вахмистры и вахмайстеры, казаки и солдаты. Проходит перед ними подполковник и, приколов к френчу каждому из них орден, каждого поздравляет с-высокой наградой, честно заслуженной в бою.

— Смирно!... Нашим орденосцам — «ура!»

И весь плац отозвался могучим чеканным словом,

а награжденные по одиночке, с бега влипали уже в свои взводы. На мундирах у них пестрели зеленый и красно-белый с черным, цвета муаровых лент и блестел металл орденов.

— Вахмистр Орлов!...

Оторвался вахмистр от строя и, очутившись перед командирами, встал ладонью у виска.

— ...как отличившемуся в боях, вахмистру Орлову присваивается звание лейтенанта. — читает командир полка приказ по дивизии.

Командир дивизии, пожимая руку вновь произведенного, лично поздравляет нового казачьего офицера Орлова. С трудом сдерживая радостное волнение, тот четко благодарит командование...

На дорожку стройно выходят эскадроны. Так стройно, что когда они идут по прямой и сбоку смотреть на проходящие четверки впереди себя, кажется, что глубину колонны составляет всего лишь одна шеренга; как бы невидимый шаблон проложен впереди каждой идущей четверки казаков. В движении у них только ноги; остальное недвижимо, как машинная деталь. Оркестр встречает их своим «Маршем 5-го Донского полка».

Стройно разошлись эскадроны по своим квартирам и во всем полку захлестало вихростое казачье веселье. Праздник.

...В лесах Белоруссии, в лагере военнопленных красноармейцев, два года тому назад родился казачий эскадрон. Повидимому это был самый первый из всех, потом густо вкрапившихся в Германские военные части, казачьих эскадронов. Этот же эскадрон вырос в Донской кавалерийский казачий полк.

«Два года тому назад, — рассказывает на торжественном обеде в честь годовщины полка ротмистр Риттберг, — меня вызвали в «Айна» моей части, где я впервые встретился с майором Кононовым. Тогда он был еще в советском мундире. Меня назначили офицером для связи в формирующийся казачий эскадрон.

«Майор Кононов и его казаки думали, что я приставлен к ним как наблюдатель. Майор Кононов тогда еще не говорил по-немецки ни слова, и вам трудно было объясниться, а затем мы стали понимать друг друга.

«Не могу не вспомнить первого слова, произнесенного майором по-немецки. Мы стояли на мосту и он, показывая на воду, сказал: «Вассер»; а также случая, когда майор Кононов отправился в сад, а я подумал, что он решил убежать. Потом он возвратился с... яблоками.

«Теперь прошло два года как мы вместе под знаменем Адольфа Гитлера идем через эту жизнь и наша идея едина — это борьба с большевизмом, с жидовизмом.

В знак нашей дружбы разрешите вам, теперь уже подполковник, вручить фотоальбом». — И он передал объемистый альбом фотографий, на которых запечатлена вся история от Казачьего эскадрона до теперешнего 5-го Донского казачьего полка: Лагерь военнопленных... Запись в эскадрон... Первые дни обучения... Присяга... Борьба с партизанами в Белоруссии... в Польше... на Украине... Вместо эскадрона — казачий полк... Награждения орденами... Вступление полка в Казачью Дивизию... Снова учеба... Выступление на юг Европы... Схватки с балканскими партизанами — одураченными большевиками и англо-американцами. И везде на фотографиях — знакомые лица. Вот и покойный Сушков...

— Мы с тобой всегда будем вместе, и к поставленной нами цели мы придем: нет силы способной сломить казачью волю! — Загораясь от возбуждения, громко отвечает бывший майор красной армии — казачий подполковник И. Н. Кононов. — Я призываю всех моих офицеров и казаков быть еще большими патриотами своего полка и верой и правдой служить делу освобождения народов от большевизма.

Троекратным «ура» подтверждается призыв командира, грудь которого украшена четырьмя Восточными орденами.

А у здания офицерского собрания уже собрались казаки всех эскадронов. Плясками и песнями они приветствуют своего командира полка и своих офицеров. Они поздравляют свой полк с двухлетним отважной борьбы с ненавистным врагом. Для этой борьбы они отдают самих себя.

Сегодня — их праздник, а завтра — они снова пойдут в бой. Завтра они вступят в третий год собственной борьбы с большевизмом.

Вас. Кабанов

В неравных боях

(Из записок Терского казака)

10 сентября 1942 года я поступил добровольцем в казачий отряд на Тереке. Неделю спустя наш отряд выступил в поход и, через несколько дней пути, расположился на отдых в селе А., населенном русскими и ногайцами. Через два дня наш взвод выехал на разведку с задачей обнаружить партизанские банды в районе Махмут-Мактеп-Тукуй.

Из распросов жителей мы узнали, что партизаны, силою в 600—800 шашек и штыков, скрываются в лесах и время от времени нападают на хутора, грабя жителей и угоняя их скот с собой, в лес.

Один из жителей, плохо говорящий по русски молодой парень, рассказал нам о недавнем разговоре, который имел он с группой этих партизан. Когда партизаны его допрашивали, то он сказал, что в хутор иногда наезжают конные разведчики, но какие-то странные, потому что одеты в немецкую форму, но в папахах, а говорят по русски. Начальник партизан ответил на это, что сюда наезжали не немцы, а казаки, а если это так, то при столкновении с ними надо быть поосторожней. Пощады от них не ждите, — обратился он к своим подчиненным, — и, в случае чужестранки, спасайтесь кто как может.

Слушая парня, я тоже подумал, что и нам не следует

попадать в их лапы живьем и при столкновении надо будет биться с ними до последней капли крови.

Через несколько дней мы напали на следы партизан, но те, прослышав что против них действуют казаки, уклонились от боя.

Когда наша разведка въехала в середину хутора, одна женщина подбежала к нам и сказала что в одном месте 4 партизана бросили своих коней и куда то скрылись. Когда мы подъехали к указанному месту, то, действительно, нашли четыре оседланных лошади, с подсумками, торбами и притороченными бурками. Таким образом, первые трофеи были взяты нами без боя, но мы жалели, что не удалось достать «языка», так как во всем районе, после нашей разведки, партизаны как в воду канули.

Не успели мы после разведки отдохнуть, как протрубили боевую тревогу. Весь отряд посадили в автомобили и проехав километров 80, мы попали под артиллерийский обстрел. Мы спешили и заняли линию обороны, отослав машины в укрытие. Наши орудия открыли ответный огонь и через 10 минут хутор «Москва», где засел противник, был объят весь пламенем пожара. Перейдя в наступление мы заняли хутор и захватили много пленных, а

затем продолжили путь по направлению к совхозу № 8, оставив в хуторе один наш взвод.

Выехавшая вперед разведка была обстреляна красными за 3 километра до совхоза, после чего мы снова спешили и построились в боевой порядок. Под ураганным минометным и пулеметным огнем казаки двинулись вперед, продвигаясь где перебежками, а где и ползком, по пластунам. Наш отряд состоял из 80 казаков, 200 немцев и 150 украинцев, при поддержке 7 танков и 6-ти оружейной батареи. Против нас действовало несколько тысяч красной кавалерии, но красные не выдержали нашего натиска и бросились удирать в беспорядке, в разные стороны. Часть их ускакала по направлению к хутору «Москва», не зная, что там ждет их засада в виде оставленного нами там взвода казаков. Этот взвод воспользовался паникой, охватившей мчавшихся прямо на них всадников, легко захватил в плен всю группу в 680 чел., со всеми их боеприпасами. Мы же — главные силы, отступили на 300 метров и расположились за курганом, чтобы дать возможность нашей артиллерии открыть огонь по второй линии обороны противника.

После короткой артиллерийской подготовки мы вновь пошли в наступление, выбили красных из второй линии и ворвались в совхоз. В окопах мы нашли множество убитых и раненых партизан — результат работы наших пушек.

Отправив в тыл пленных, мы на другой день двинулись дальше на автомобилях по направлению к ферме № 3, куда отступили остатки разбитых нами красных. По дороге мы нашли валявшиеся в большом количестве снаряды, патроны и пушки. Ферму мы заняли без всякого сопротивления и, выслав разведку, расположились в ней на дневку.

Возвратившийся через час разъезд партизан нигде не обнаружил и мы, с успехом выполнив наше боевое задание, вернулись в расположение нашей части.

Наш эскадрон получил приказ направиться на х. Терек, где немецкие войска занимали оборону. В хуторе все здания были разрушены от бомбардировки, на улицах валялись груды убитых во время недавнего боя. Видя эту картину разрушения и смерти, многим из нас пришли в голову мрачные мысли — вот так и кое-кому из нас придется так лежать вдали от родной станицы, где напрасно будут ждать казака из чужбины далекой... А казак давно уже спит вечным сном, зарытый в сырой, чужой земле... Но каждый из нас предпочитал смерть в честном бою, чем бесконечные скитания по советским тюрьмам.

Выехав за хутор, командир эскадрона приказал нам спешиться, а коноводам увести лошадей. Уже стемнело.

РАПОРТ

День в станичном правлении начался как всегда. Раньше всех пришел атаман: он уже побывал в конюшнях, кому следует — сделал внушение и теперь, не спеша, занимался в канцелярии. Хозяйственный был человек, во всё вникал сам. Каждое утро час тратил на такой обход, зато всё было в порядке.

Старший писарь, как всегда, пришел с опозданием, но никто никогда ему этого на вид не ставил. Да и как можно? Ведь он уже 15 лет служит, на нем держится вся канцелярия; станица его очень любит, особенно старики. Писарь с ними тоже всегда бывает обходительным, знает, что сердить стариков нельзя...

Поздоровавшись со всеми, не спеша, стал раскладывать бумаги на столе.

— Миколай Михайлович, ось тут срочное предписание,

Сохраняя полную тишину мы подошли к окопам и сменили сидевших там немецких солдат. Последние несказанно были рады смене, так как стояли на этой позиции непрерывно целый месяц.

Ночь прошла спокойно. На рассвете мы увидели, что окопы противника всего лишь в 600—700 метрах от нас, а интервал между нашими и немецкими позициями был километров в 5, если не больше. В нашем эскадроне было всего лишь 93 казака, а перед нами, насколько хватал глаз, виднелись окопы врага.

Несколько суток прошли спокойно; не было даже перестрелки. Однажды вечером впереди нас взвилась белая ракета и, к нашему изумлению, прямо перед нами, шагах в двадцати, вдруг очутилась пешая неприятельская, видимо заблудившаяся разведка. Разведчиков мы моментально обезоружили и доставили начальству на допрос.

Из распросов пленных было установлено, что перед нами были части 6-ой гвардейской бригады, прибывшей сюда недавно из Баку. По их словам, бригада должна начать наступление против нас этой ночью, ровно в 2 часа, с задачей окружить нашу позицию и забросать нас гранатами.

Наступление началось значительно раньше указанного времени, что объясняется тем обстоятельством, что красное командование было обеспокоено слишком долгим отсутствием высланной ими разведки. Оно видимо опасалось, что разведчики попали в плен и выдали тайну.

Бой начался в 10 час. вечера. С нашей стороны взвились 3 красных ракеты; это означало, что мы должны развить ураганный огонь всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Противник приблизился настолько, что в наших окопах стали рваться гранаты. Одной из них был убит урядник Черненко. Бой продолжался до 6 часов утра, когда подходили к концу наши запасы патронов и отказывали уже автоматы и пулеметы. Один момент был весьма критическим, когда под нажимом красных нам пришлось отступить метров на 500. Во время этого движения был ранен наш лейтенант, которого я и урядник Кондрашов вынесли из боя и доставили на перевязочный пункт. С утра бой возобновился и шел весь день. К вечеру, при помощи танков, мы отбросили красных на их старые позиции с огромными для них потерями. Они потеряли не менее половины своего состава, а с нашей стороны было всего 7 убитых и 2 раненых. После этого боя наступило затишье. Мы занимались добытыванием «языков» и с каждой разведки возвращались с 15—20 пленными.

Вскоре нас сменила другая казачья часть и для нашего эскадрона бои на Терек были закончены.

Урядник В. Панов

— говорит атаман, входя в канцелярию и здороваясь с писарем.

Писарь, привычным взглядом, пробежал бумагу и протянул: да... а.

— Опознались ми, — продолжал атаман, — нужно исполнить зараз же та послать рапорт с варшним...

Писарь уже и сам подумал, что ответ пойдет с нарочным, а раз атаман сказал, то и совсем...

Застучали машинки, заскрипели перья и в полчаса ответ в управление отдела был готов. Сам атаман передал дежурному пакет и разносную книгу, чтобы тот немедленно отправил его в ст. Уманскую.

Дежурный был бравый урядник Панкрат Дудка, с красной бородой, подстриженный по «полковому»; он уже обратил на себя внимание стариков и последние стали

поговаривать о выборе его помощником атамана с нового года.

Передавая пакет дежурному, атаман наказывал, чтобы варочного послать толкового и расторопного казака, чтобы нигде ничего не напутал, а доставил бы бумагу по назначению...

— В точности будет исполнено, г. атаман, — отрапортовал урядник Дудка, по военному вытягиваясь в «струнку» перед атаманом.

Урядник Дудка остановил свой выбор на казаке Припахайло; хотя он был и молодой, но этой весной, отбывая лагерный сбор, «выдвинулся» тем, что на маневрах очень толково выполнял обязанности посыльного при командире полка. Казаки, вернувшись из лагерного сбора, уже успели рассказать в станице, что Припахайло «выслушивался», и в полку наверно попадет «в учебную».

Так вот этому-то казаку дежурный, отдавая книжку с пакетом, объяснил, что его нужно доставить сегодня же в ст. Уманскую в управление отдела.

— Тільки дивись, щоб усе було добре, ти ж козак роторонний, — напутствовал его дежурный.

— Та ви вже ж не беспокойтесь, Панкрат Харитонович, — отвечал казак, несколько боязно называя дежурного по отчеству, це мені не первина с сурьезними ділами робить діло. — Он, несомненно, хотел выразиться более замысловато, но в это время не подвернулось на язык подходящее слово.

— Он на що вже в лагерьх... хотел казак говорить о своем «подвиге» на маневрах, но дежурный торопил его.

— Ну іди поснідай, сідлай коня і шведенько в отдел. Припахайло быстро не совсем выработавшейся еще строевой походкой, направился домой. Дома, под тенью густой акации уселся поснідать, жена же хлопотала о провизии на дорогу. Хлеб и кусок сала уложила в ту самую сумку, в которой находилась рассыльная книга с пакетом; сумку повесила на щеколду двери и пошла в амбар за овсом для коня.

Съев завтрак, казак направился в конюшню, вывел своего «Лыска» и принялся за седловку; жена помогала приторачивать башлык и бурку...

... А в то время откормленная свинья «Машка», пляясь по двору с продетым кольцом в рыле, от нечего делать, заглянула в коридор, хрюкнула — никого, подошла к двери, тоже хрюкнула, — опять тишина, а тут ее ноздри стал щекотать приятный запах свежего хлеба; понюхала сумку, оказывается запах отсюда. Не видя препятствий, «Машка» изорвала сумку, съела хлеб, изорвала рассыльную книгу (она пахла клеем, приготовленным из муки) и добралась до рапорта, который тоже изорвала...

Ничего не подозревая, Припахайло направился в хату за сумкой, — жена держит лошадь.

От удивления он чуть не упал. «Машка» выскочила и пошла по двору, так же беспечно похрюкивая, как будто бы ничего и не случилось. Казак взял книжку и пакет, посмотрел хорошенько; книжка еще ничего, можно бы вычистить, подшить листы, заклеить изорванные, но рапорт в таком виде, что везти его в отдел нельзя, станицу только осрамить...

— «Машка» читала... — не сказал, а как бы прошептал казак и улыбнулся, но тут же спохватился, что бумага то срочная и как то нужно выходить из положения. Один выход, который был правильным, это идти в правление и попросить написать другой рапорт...

Несколько вервной походкой подходил Припахайло к станичному правлению. Дежурный очень удивился, увидя казака.

— А я думав, що ти вже на пів-путі; щитав тебе окуртним и справним козаком, — говорил урядник, все

еще не могший догадаться, почему вернулся казак в правление.

— Дозвольте доложить, г. дежурный, начал Припахайло тихо, без задора и уверенности в голосе. «Урядник Дудка, очевидно, догадался о неладном; у него мелькнула мысль: не утерял-ли казак бумагу?»

— Ну, кажи, що сталося? чого це ти до цього часу не поїхав?

Видно было, что дежурный сам уже волновался, даже борода его казалась краснее.

— Розрішіть доложить, бледнее продолжал казак, що свиня рапорт ззіла...

— Шо... о? протянул дежурный, яка свиня? який рапорт?

Припахайло, видимо удивленный таким вопросом, продолжал несколько смелее и громче.

— Яка свиня? та моя свиня..., «Машка», ззіла той рапорт, що треба було везти в отдел... и тут же протянул остолбеневшему дежурному изорванную книжку и остатки рапорта, подробно рассказав всю историю, не сваливая, однако, вины на жену, а, главным образом, на свинью «Машку»...

Доложили атаману; последний позвал Припахайла и, несмотря на серьезность дела, все же с трудом сдерживал смех.

— Ну, козаче, скажи, як же це свиня рапорт ззіла? — был первый вопрос атамана к вошедшему казаку. Но он оказался менее разговорчив в присутствии атамана, чем обычно.

— Та так, г. отаман, ззіла, от і все.

Так больше атаман и не добился от казака ничего.

В канцелярии писарь недовольно пишет рапорт заново, а атаман в книге приказаний медленно царапает своим мелким почерком малограмотного человека!

«Казака приготовительного разряда, конного состава, Макара Припахайло арестовываю, с посадением в карцер, сроком на семь суток за то, что будучи уполномоченным на сурьезное дело, т. е. быть парочным по отвозке срочного рапорта в отдел, допустил своей свинье «Машке» скушать казенную бумагу, иначе рапорт. Станичный атаман урядник Поливода.» Объявил постановление дежурному, который и привел его в исполнение.

Когда дежурный вошел к атаману докладывать о выполнении приказа, последний подписывал рапорт, написанный заново.

— Добре, собиріть у зборні всіх козаків, а я зараз прийду.

Через несколько минут, когда в зборні были все казаки, туда вошел атаман; первое, что он сделал это передал книжку и пакет дежурному для отправки в отдел.

— Тільки назначайте козака, у которого свині неграмотні, а ви, обращаясь к казакам, про це не галдіть язиками по станиці, а то срамота, ще дойде до отдела, то...

Предупреждения, конечно, не имели силы. Уже вечером знала вся станица; передавали друг другу в искаженном виде. Доходило и до того, что «рапорт у Припахайла свиню ззів».

Дежурному уряднику Дудке, описываемый случай сослужил плохую службу. До самой смерти не попал он ни на одну должность в станичном правлении, даже не был выборным. Казак Припахайло, по приходе в полк, долго служил посмешищем; в «учебную», конечно, не попал, а если на него и возлагалась обязанность снести куда либо бумагу, то не без улыбки обычно добавлялось: «смотри только, чтобы свинья не съела»... Припахайло, обычно, молчал, слушая это предупреждение, только иногда тяжело, было, вздохнет, да недоброе слово помянет «Машку»...

Еф. Якименко

Исторические очерки Дона

Продолжение девятое*)

XXVI.

Осада Азова. Бои на реке Кагальнике. Самовольная атака Донских и Запорожских казаков Азова. Сдача Азова 20 июля 1696 года. Постройка города и крепости Таганрога. Учреждение Азовской губернии. Запрет казакам ходить в Азовское море. Вмешательство царя в Донские дела. Садоводство и хлебопашество на Дону. Постройка церквей. Умаление значения Круга. Запрещение ходить в походы. Усмирение казаками стрелецкого бунта в Астрахани. Пожалование Войску Донскому знамен и «честных клейнод».

Сейчас же после морской победы Петр приступил к осаде Азова. 17 июня валы, окружавшие крепость были закончены и пушки и мортиры установлены на них. Началась правильная осада крепости.

Шестидесятитысячная турецко-татарская армия под начальством Крымского султана Нуреддина и Муртазы-паши за рекою Кагальником, в десяти верстах от Азова, шесть раз нападала на русские войска Петра. Особенно были кровопролитны бои 10 и 24 июня.

24 июня неприятель подошел на картечный выстрел к Русскому лагерю и бросился в атаку на пехоту. Петровские молодые полки с невозмутимым спокойствием встретили турок метким ружейным огнем. Турки дрогнули. Из флангов Русских карре выскочили конные казачьи полки и в шашки, с гиком, атаковали турок. Они загнали их в топкую, тинистую и глубокую реку Кагальник и там утопили их.

17 июля полторы тысячи казаков самовольно пошли на штурм крепости. Их поддержали Запорожские казаки и несколько стрелецких сотен. Захватить всю крепость казакам и стрельцам не удалось, но они удержали за собою два угла крепости, два ее бастиона и взяли четыре пушки.

Атаман рассердился на казаков за их самовольность и хотел их жестоко наказать. Он резко выговаривал им у своего шатра:

— Вы зачем же это, почем зря, без моего приказа, куда не надо...

— Да мы, атаман, чего-же. Разве мы чего худого сделали. Мы ить только за хлебом сходили. Хлеба у нас нема, а там напюхали мы — пшеничным горячим запахло... Ну, мы и пошли.

С усмешкой на смелом лице слушал этот разговор царь. Он потребовал атамана и казаков к себе и «не гневом, а милостиво, многою похвалою пожаловал»...

Этот самовольный казачий понос так потряс дух турецкого гарнизона, что на другой день над Азовскими стенами повисли белые флаги. Комендант прислал переговорщиков. Крепость сдавалась на милость победителей.

20 июля 1696 года Петру были выданы ключи крепости Азова. Паша с 3.700 янычар и 5.900 мирных жителей вышли из крепости. Их с честью проводили до Кагальника, откуда они отправились к своему войску. 171 пушка и мортира, 1.000 пудов пороха и много боевых припасов и хлеба досталось Петру. Найденное в Азове имущество: — серебряную и медную посуду, сукна, ковры, парчу и шелковые материи Государь отдал Фролу Минаеву для раздела между казаками.

На Азовской площади было отслужено торжественное молебствие. После него Петр приказал две турецкие мечети перестроить в православные храмы во имя Пресвятой Богородицы и Иоанна Крестителя.

Русские войска приступили к укреплению Азова. Комендантом крепости был назначен князь Львов.

Казалось — Донским казакам радоваться было-бы нужно: Турецкая вечная угроза ушла от дверей «земель казачьего присуда». Своя, Русская, родная, православная сила стала в Азове.

Но скоро поняли казаки, что радоваться им нечему. С переходом Азова в Русские руки стал погибать Донской казачий флот. Не казачьи легкие струти колыхались и ходили в гирлах Донских и у Азовских стен, но стояли на Дону

высокобортные, палубные, мачтовые корабли молодого Русского флота, пришедшие из Воронежа.

Царь Петр то ездил в Москву, то возвращался в Азов. Широкие планы прочного захвата реки Дона были в его голове. Донского войска они не касались, с донскими казаками в них не считались.

Весною 1697 года князю Голицыну с 35.000 солдат и стрельцов было приказано рыть канал от реки Камышенки, впадающей в Волгу, до речки Иловли, впадающей в Дон. Зашептали по казачьим куреням седые старые казаки: — «это чего-же. Нешто хочет царь спустить воду с Дона в Волгу. Чем прогневали мы царя Московского... Омелеет Тихий Дон наш. Лишит нас Москва и рыбы и пути»...

В 1698 году Петр приказал заложить на берегу Азовского моря в 60 верстах от Азова крепость и город Таганрог.

Москва окружала Донское войско и отрезала его от синего теплого моря.

И еще узнали Донцы, что в 1699 году, когда заключал мир с турками, Русский посланник объявил туркам: «если во время мира казаки пойдут войною на турецкие или крымские места, то вольно их побивать, как злодеев, а когда из похода возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь»...

Приазовский край был превращен в Азовскую губернию с губернским городом Азовом и городами: Троицким, что на Таганьем Рогу, Миюсом, Павловским, Сергневским и Никоновым, последние два у Каланчей на Дону.

Донское войско без войны и без боя лишалось своих при морских земель.

Не только в этом была беда для Всевеликого Войска Донского. Казаки разлагались внутренне.

Наружно Царь не стеснял их. Напротив, окружал вниманием. На Руси брили насильно бороды или брали за право ношения бороды большие пени, стригли волосы по немецки, заставляли носить короткое немецкое платье. Дона это не касалось.

«Донские казаки», — говорил в 1705 году боярам атаман легкой станицы в Москве Кочетов, — «пред иными народами от великого Государя пожалованы и взысканы. К ним и по сие число о бородах и о платье указу не прислано. Платье они и по ныне носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравится: иные любят носить платье и обувь по черкесски и по калмыцки, а иные обыкли ходить в Русском стародавнем обычае платье, что кому лучше похочется, тот тако и творит, и в том-же между ними, казаками, распри и никакого посмеяния друг над другом нет, а немецкого платья никто из них казаков, у них, на Дону не носит»...

Внешнее, незначительное сохранялось. Внутреннее, глубокое, уничтожалось. Донское государство, тесно соприкоснувшись с возрастающей при Петре Россией, стало ломаться изнутри.

В 1700 году Донской атаман Лукьян Максимов был «выбран вольными голосами», но утвержден царем.

Во время пребывания на Дону в пору Азовских походов Петр хорошо ознакомился с казаками и приобрел себе много друзей и почитателей. Его обаяние на людей было огромно. К нему льнули и через то попадали в старшины. Утверждаемый царем атаман не был самостоятелен. Он и старшины служили не столько войску, сколько царю и России. Дела войсковые решались на собрания старшин и в готовом виде преподносились Кругу. Донское Войско, прежде гордившееся тем, что в нем нет ни больших, ни меньших, но все равны, утратило это равенство. Когда были морские и речные набег, когда жили казачья добычей — нужно было иметь только на плечах удалую голову и все будет твое. Но моря и Воята закрылись для казачьих набегов, кругом стало Русское Петровское войско; куда стало идти казакам, где «добывать себе зипуны», чем богатеть, чем жить?

Еще так недавно был запрет пахать землю и сеять хлеб — и вот казаки побогаче, старшины, стали захватывать целинную степь, никому ненужную, добывать из России крепост-

*) Начало см. в №№ 7-15 «На Каз. Посту».

ных, рабов, батраков и тяжелая соха, запряженная волами стала бороздить степь.

Петр, бывший в 1697—98 году во Франции вспомнил про Дон. Он нанял опытных французских виноделов, купил чубуки винных сортов винограда и послал все это в Цымлянскую на Дону для насаждения в ней садов и обучения казаков делать вино. По всему Дону, и не атаманом, не Кругом, но царем Петром было приказано садить фруктовые и виноградные сады и сеять хлеб.

Донская вольница, моряки гулебщики, лихие разбойники, подобные Степану Разину, стали оседать в своих куренях, приживаться к ним, в своей «землице», «домовитилсь».

По городам и станицам начали строить на месте часовень церкви во имя Архистратига Михаила. Такая же церковь и во имя того же святого была построена в Добринской станице; в Михайловской станице была построена деревянная Богоявленская церковь, в Верхне-Чирской станице часовня с алтарем во имя святителя и Чудотворца Николая.

Петр запретил казакам жениться без священника и это ускорило постройку церквей. К 1709 году на Дону было 24 церкви и постройка шла далее.

В 1700 году Петр приказал для выборов атамана и для обсуждения дел, касающихся всего войска на войсковой Круг в Черкасках собираться не всем казакам и атаманам, не всему великому войску Донскому, а только станичным атаманам и с ними по два старика, выборных от станицы. Так учредилось правление старшин.

Самовольно собирать в походы казаков было запрещено. В походы с Русскими войсками стали назначать казаков по очереди. Собранные казачьи полки стали оставлять на службе не только во время войны и похода, но и в мирное время.

Летом 1705 года в Астрахани взбунтовались стрелецкие полки. Стрельцы отказались исполнить Царский указ — брить бороды и надевать солдатские короткие нового образца кафтаны. 30 июля ночью они убили Астраханского воеводу Ржевского с детьми и перебили триста царских чиновников. К астраханцам пристали стрельцы городов Красного и Черного Яра. Волнение перекинулось в станицы Гребенских и Терских казаков. Стрельцы послали на Дон Михаила Скорнякова с семьей товарищами. Посланные на Кругу призывали Донцов отойти от Государя, соединиться с Астраханцами и Терцами, привлечь на свою сторону Запорожских казаков и вернуть себе прежние вольности.

Царю теперь не до нас, — говорил Скорняков, — он занят войною на севере, со шведами, да, слышно там у него неудачи. Вооружайтесь за земли своего казачьего присуда, а то, гляди, и вам обреют бороды и запишут «в регулярство».

Атаман Лукьян Максимов выслушал посланных и прочел стрелецкое письмо. Круг постановил остаться верными Государю. Казаки целовали в том крест и евангелие, стрельцов арестовали и, заковав, отправили под охраною станичного атамана Саввы Кочета в Москву.

Против Астраханцев по приказу атамана был снаряжен отряд под начальством походных атаманов Максима Фролова и Василия Поздеева.

Когда Астраханцы узнали, что казачьи отряды вошли в калмыцкие улусы, они послали сказать, что хотят договориться о сдаче казакам и назначили местом для переговоров глухой ерик на Волге ниже города Черного Яра. Казаки отправили часть сил с атаманом Фроловым на Царицын и заняли город. Часть казаков пошла на условленное место. Ночью стрельцы изменнически напали на казаков, захватили 70 человек и Донской бунчук и пошли на выручку Царицын. Атаман Фролов вышел из Царицына и в поле разбил стрельцов. В Царицыне Донцы оставили 900 человек под начальством войсковых старшин Тимофея Пирожникова и Леонтия Поздеева.

Пирожников и Поздеев прошли к Черному Яру и заставили засевших там стрельцов сдаться.

Остатки мятежников, бывшие в Астрахани, были уничтожены Русскими войсками боярина Шереметьева.

За усмирение Астраханского бунта царем Петром 5 марта 1706 года были пожалованы Донскому войску грамота и «честные клейноды».

Клейноды эти были: — серебрянный и позолоченный пер-

нач с цветными камнями, бунчук с яблоком, доскою и серебряною позолоченною трубкою; знамя с золотым тканьем — атаманам, как знаки их воинского достоинства в «вечную несмертную память».

Войску — шесть писанных золотом и серебром станичных знамен и грамоту на пергаменте с государственною печатью.

Пожалование знамени и клейнод, как бы подтверждало самоуправляемость (автономию) войска Донского, но вместе с тем ставило через пожалованных атаманов в подчинение Российскому монарху.

Были на Дону казаки, которые понимали это. Они помнили прежнюю независимость Дона от Москвы, они думали, не настал ли и точно час воспользоваться тяжелой войною, которую вел Петр на Севере и вернуть прежнюю свою независимость. К числу таких принадлежал станичный атаман Бахмутского городка Кондратий Афанасьевич Булавин.

XXVII.

Перепись казаков. Налог на соль. Столкновение атамана Бахмутского городка Булавина с полковником Изюмского полка. Убийство Булавицами князя Долгорукого и стрельцов. Булавин в Боровском городке. Царские войска идут против Булавина. Булавин в Черкасках. Кровавая расправа с атаманом. Приказ царя князю Долгорукому. Атаман Зерщиков осаждает Булавина в Черкасках. Самоубийство Булавина. Некрасовцы. Устрашение Донского войска Петром.

В 1703-м году из Москвы на Дон были присланы чиновники для переписи казаков. Они обязывали станичных атаманов подпиской не принимать беглых из России людей. Казаки просили оставить тех, которые пришли в 1695-м году. Им в этом было отказано. На Дон был послан воевода для уничтожения построенных по речке Айдеру городков.

За два года перед тем на западной окраине Дона произошли кровавые события. В 1701-м году в России стали брать налог на соль. Налог этот не касался Войска Донского, как самостоятельного государства. В Бахмутском городке у казаков были свои солеварни. Против Бахмутского городка стоял слободской Изюмский полк малороссийских казаков. Полковник этого полка, Шидловский, стал требовать от казаков уплаты налога на соль. Произошла ссора. За казаков заступился станичный атаман Кондратий Булавин. Изюмскому полку было приказано силою отобрать от казаков их солеварни. Булавин их не отдал, поднял казаков и разорил уголья Изюмского полка.

Войсковой атаман Максимов поддержал Булавина, заявив, что тот творит правое дело, но по долгу службы отписал о событиях в Бахмутском городке в Москву. Из Москвы прислали воеводу с наказом отобрать спорные солеварни от казаков в казну.

Булавин отправился на Хопер, где много было голутвенных казаков, где давно шло брожение и стал поднимать их вступить за свои права.

На Хопре в это время находился воевода князь Долгорукий с бригадою пехоты. Его полки стояли малыми частями по станицам и хуторам и были заняты переписью беглых людей.

Воевода и его офицеры пьянствовали и безобразничали по станицам. Казаки были хмуры и озлоблены. Когда появился к ним Булавин, тайно поддерживаемый Максимовым, стали к нему сходить голутвенные казаки.

Глухою темною ночью, осенью 1807-го года, Булавин с отрядом отчаянных казаков подкрался к Шульгинскому городку, где находились главные силы князя Долгорукого и овладел городком. Князь Долгорукий и с ним 10 офицеров и 1 000 солдат были перебиты казаками.

Пожарным быстрым пламенем загорелся мятеж по северу Дона. 20 000 беглых людей пристало к Булавину. Все — безлошадная, плохо одетая, безоружная голытьба, надеющаяся получить все от похода и войны. Булавин пошел во главе этой вольницы по Дону.

Атаман старого Боровского городка встретил Булавина с хлебом, вином и медом и радушно принимал его в станичной избе.

При Булавине была старшина, правительство с полковни-

ком Лоскутом, пришлецом из России, из города Валуек-ходившим в разбой еще с Разиным, человеком бывалым.

У станичного атамана в его курене пошла деловая беседа. — Заколыхали вы всем государством, — говорил Булавину Боровский атаман. — Что будет делать, когда придут войска с Руси? И сами пропадете и нам с вами пропадать.

— Не бойся. — отвечал Булавин, — начато мое дело не просто.

Был я в Астрахани и в Запорожье, был и на Тереке. Астраханцы, Запорожцы и Терчане присягу дали, что помогут мне. Мне и гетман Мазепа тоже обещал. Не покинут нас... мы пойдем по казачьим городкам по Дону и будем к себе казаков приворачивать, а которые к нам не войдут, таких мы, назад вернувшись, будем жечь и резать. Пойдем и на Украину, там богато конями, оружием, одеждой — всего наберем. Возьмем Азов и Таганрог, освободим ссыльных и каторжных и на весну — айда! На Воронеж и на Москву!

Лоскут поддержал Булавина.

— Не бойсь, — сказал он, — я при Кондратии Афанасьевиче прямой Стенька Разин. Но не как тот Стенька, что без ума голову потерял. Мы своих голов не потеряем. Мы вас толком поведем.

И точно — Булавин переписывался с Мазепой, умело распространял по станицам и хуторам слухи, что скоро будут казаки «писать в регулярство» — брать в солдаты, брить бороды, стричь по солдатски.

— Придет Тихому Дону конец, — говорил Булавин Боровскому атаману, — если не восстанет он, как один против Петра и не прогонит со своих земель Русские войска.

Атаман собрал станичный круг. Боровская станица пердалась на сторону Булавина.

Пошел мятеж по всему северу Дона. Станицы по Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу, где много раскольников, бежавших из Москвы, не признавали другого атамана, как Булавина.

Поднялось волнение и в Черкасске. Казаки открыто говорили:

— Правду пишет Булавин. Какой он мятежник. Он только стоит за свое, за казачье. Наш Азов московские люди не по праву от нас забрали. Гулять по морю запрещено. Чем дальше жить — ума не приложим. В Азове бреют людям бороды, стрельцов пишут в солдаты. Сегодня стрельцов — завтра, гляди, доберутся и до нас — казаков.

Булавин поехал на Днепр поднимать Запорожцев. Он был у гетмана Мазепы, сообщил ему, что войско Донское отложилось от Москвы, получил от гетмана оружие и 3000 запорожских казаков и пошел к Черкасску.

Занятый войною со шведами Петр, теснившийся подавшегося к Украине шведского короля Карла XII, узнав о событиях на Дону, спешно собирал войска для усмирения Булавинского мятежа.

Весною 1708-го года Булавин пошел к Черкасску. Навстречу ему вышел атаман Максимов с низовыми казаками. Началась междусобная распря на Дону — брат пошел на брата. Черкасские казаки дрались отчаянно, но сила была на стороне Булавина. Максимов стал отступать. Одна за другою низовые станицы переходили к Булавину. Войска его увеличивались. Средняя и Нижнерыковские станицы первыми изменили Максиму. Казаки открыли бунтовщикам ворота Черкаска и изрубили караулы. Булавинцы ворвались в город. Войсковому атаману Максиму и четырем старшинам отрубили головы, пятому старшине Ефрему Петрову, тому, кто привез из Москвы клейноды, накинули на шею веревки и задушили.

Булавин собрал круг из преданных ему казаков и был избран войсковым атаманом.

Между тем собранное Петром двадцати тысячное войско под начальством гвардии полковника князя Долгорукого, брата убитого Булавинцами, поспешно делая двойные переды, шло на Дон.

19-го июня 1708-го года Петр писал князю Долгорукому: — «когда будешь в Черкасском, тогда добрых обнадежь, и чтобы выбрали атамана доброго человека, и, по совершении оном, когда пойдешь назад, то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: — над-

лежат опустошить по Хопру сверху Пристанской по Бузулуку; по Донцу сверху по Лугань; по Медведице — по Усть Медведицкую, что на Дону. По Бузулуку — все. По Айдару — все. По Деркуле — все. По Калитам и по другим Задонным рекам — все. А по Иловле, по Иловлинской, по Дону до Донецкого, надлежит быть так, как было»...

Булавин послал навстречу царскому войску 15000 под начальством Лучко Хохлача. Войско, составленное из необученного сброда было легко разбито и рассеяно солдатами князя Долгорукого.

Как только в Черкасске узнали о поражении Хохлача казаки стали покидать Булавина. Кто шел в свои станицы, кто искал спасения в отряде Долгорукого. Под Черкасском собралась часть казаков и выбрала своим атаманом Илью Зерщикова. На этом кругу было постановлено схватить Булавина и выдать его Московскому войску.

В ночь на 8-е июля казаки Зерщикова вошли в Черкасск и окружили курень, где находился Булавин. Булавин с несколькими преданными ему казаками отчаянно защищался. Он собственноручно убил двух казаков, пытавшихся ворваться в избу. Казаки Зерщикова боялись подойти к дому, где заперся Булавин. Привезли пушки и стали разрушать ядрами малецкий курень. Тащили хворост, чтобы живым жечь Булавина. Бывшие при Булавине казаки, видя безнадежность сопротивления, покинули его. Булавин, оставшийся один, застрелился из пистолета.

Часть Булавинских казаков с атаманом Некрасовым подалась через степи на Кубань, оттуда пробралась на Тамань и, переправившись через пролив, отдалась в Крыму под покровительство Турецкого Султана. Султан принял казаков и поселил их на реке Дунаевцы в Добрудже. Позднее они были переселены в район города Бургаса, а после еще глубже в Турцию, в село Внусь, на Мраморном море, а еще позднее в село Майнозы.

Прошло более двухсот лет. В чужой магометанской стране казаки Некрасовцы остались такими, какими были, сынами Тихого Дона и России, которых никогда не забывали. Ни вере православной, ни своему казачьему обычаю они не изменили. Они участвовали во многих войнах султана и считались храбрейшею конницей в Турции. Во время Русско-Турецкой войны 1877-78 годов Некрасовцы были гребцами, перевозившими Государя Александра II-го на лодках через Дунай. Они жили в Турции, но не отуречились. Они служили у турок, но были верны Русскому Государю. В 1927-м году г. Падалкин посетил поселок Некрасовских казаков в Болгарии близ города Варны. Он нашел потомков казаков Игната Некрасова такими же казаками, какими были их предки. Такова сила казачьего духа, сила веры и гордость именем Донского казака.

Атаман Зерщиков встретил князя Долгорукого у Черкаска со старшинами и станичными знаменами. Петр не доверял, однако, Зерщикову и приказал Кругу избрать Донским атаманом Петра Рамазанова бессменно.

Князь Долгорукий в точности исполнил приказ Петра об утрашении Донцов жестокими казнями. Солдаты, слободские малороссийские казаки и калмыки ходили по Дону, жгли дома, резали и вешали казаков, как то было указано Петром. По Дону были пущены плоты, уставленные виселицами с телами казненных. Около 8000 казаков было казнено. Более того погибло в боях с Долгоруковскими войсками.

XXVIII

Петр в Черкасске в 1709-м году. Гулянье на Черкасском майдане. Новый герб войска Донского. «Повытье казачьих дел» при Иностранной коллегии. 3-го марта 1721-го года войско Донское переходит в ведение военной коллегии. Потеря Все-великим Войском Донским самостоятельности. Наказные атаманы.

Петр считал войско Донское весьма важною частью своего царства и сейчас же принял меры, чтобы утрашением, даской и личным появлением удержат казаков у себя.

Осенью была первая большая победа Петровских войск над Карлом XII у Лесной, наступала весна; Карл стремился на Украину, где его ожидали изменявший Петру Мазепа, там должны были разыгаться события огромной важности, и все

так Петр нашел нужным спуститься на кораблях к Черкасску и появиться среди Донских казаков.

19-го апреля 1709-го года Петр подошел на судах к Черкасску. 20-го апреля на городском *Чайдане* было устроено гулянье. В простом немецком платье, со своею дубинкою в руках, в сопровождении «денщика», как назывался тогда дежурный при Государе офицер — Петр сошел с корабля и вмешался в праздничную толпу.

Ногайские татары на маленьких косматых лошадях, калмыки в пестрых халатах, Русские купцы в кафтанах, казаки в пестрых зипунах, в высоких шапках, матросы с Царских судов в синих «голландках» и круглых черных лакированных шляпах толпились на площади. Играла зурна, ей вторила флейта, начиналась и обрывалась казачья песня. Гул голосов глушил ее. Весенне солнце заливало площадь золотом лучей. Богато цвели у казачьих куреней яблони и черешни.

У кабаков — толпы!.. Настал день — пропивалось и проигрывалось все... до тла...

Окруженный Донскою старшиною Петр подошел к кабаку, где что то очень много толпилось народа и откуда раздавался веселый, ядреный смех.

У кабака, верхом на бочке от вина, сидел голый казак при сабле и ружье. Толпа смеялась над ним. Петр подошел к казаку, — для чего ты не продал ружье вместо рубахи? Ишь, какое оно у тебя богатое. За него дали-бы много. А за рубаху ты, поди и осьмухи не получил.

— Сбыть ружье, альбо шашку казаку не пригоже, — мрачно ответил казак. — С ружьем да шашкой я и службу царскую отбуду и шелковую рубаху добуду.

Запомнился и понравился этот ответ царю.

Уезжал в тот же день на Украину и прощаясь с провожавшим его атаманом Петр спросил:

— Есть-ли в Войске Донском герб...

— На отписках донских атаманов, — ответил ему атаман, — еще с древних времен ставилась войсковая печать и на ней изображали оленя, пронзенного стрелой. Бывало, что на печати было изображение казака в полной справе верхом на бочке.

Так изображайте его ныне так, как я того молодца повидал: — нагим до пояса и держащим в поднятой руке ружье.

Герб этот продержался в Войске Донском почти сто лет с 1709 по 1805-й годы.

Булавинский бунт и меры устрашения, проведенные Петром, придали Войску Донское.

Без ропота принимало оно одну за другою меры, приканчивавшие его самостоятельность.

В 1718-м году войско Донское было переведено из ведения Посольского приказа в ведение Иностранной Коллегии, при которой было учреждено «повытье казачьих дел».

3-го марта 1721-го года Петр указал: — Донским и Яицким казакам во всех управлениях быть в ведении военной коллегии.

Окончилось этим самостоятельное существование государства «Все великого Войска Донского». Оно становится нераздельною военною частью Российского Государства, становится «Землею Войска Донского», с поселенными на ней Донскими казаками, а потом и просто «Донскою Областью».

Казаки рассматриваются, как часть Русского войска, преимущественно конного, но еще долгое время сохраняют свою самобытность и входят в армию самостоятельными крупными соединениями со своими начальниками, уставами и «тактикой».

В 1718-м году войско Донское было в церковном отношении присоединено к Воронежской епархии. Казаки увидели в этом умаление своего значения и ходатайствовали перед царем, чтобы казачьи церкви ведал непосредственно Святейший Синод. Просьба Донцов не была уважена.

С 1723-го года войсковою атаман уже не избирается Кругом, но назначается Военной коллегией из достойнейших казаков и носит название наказного атамана.

Героями Дона становятся не вольные атаманы донских дружин, но донские генералы, офицеры, казаки — ученые, художники, писатели, прославившие свое имя в боях и сражениях в рядах Российской Императорской армии, или заявившие о себе на мирном поприще.

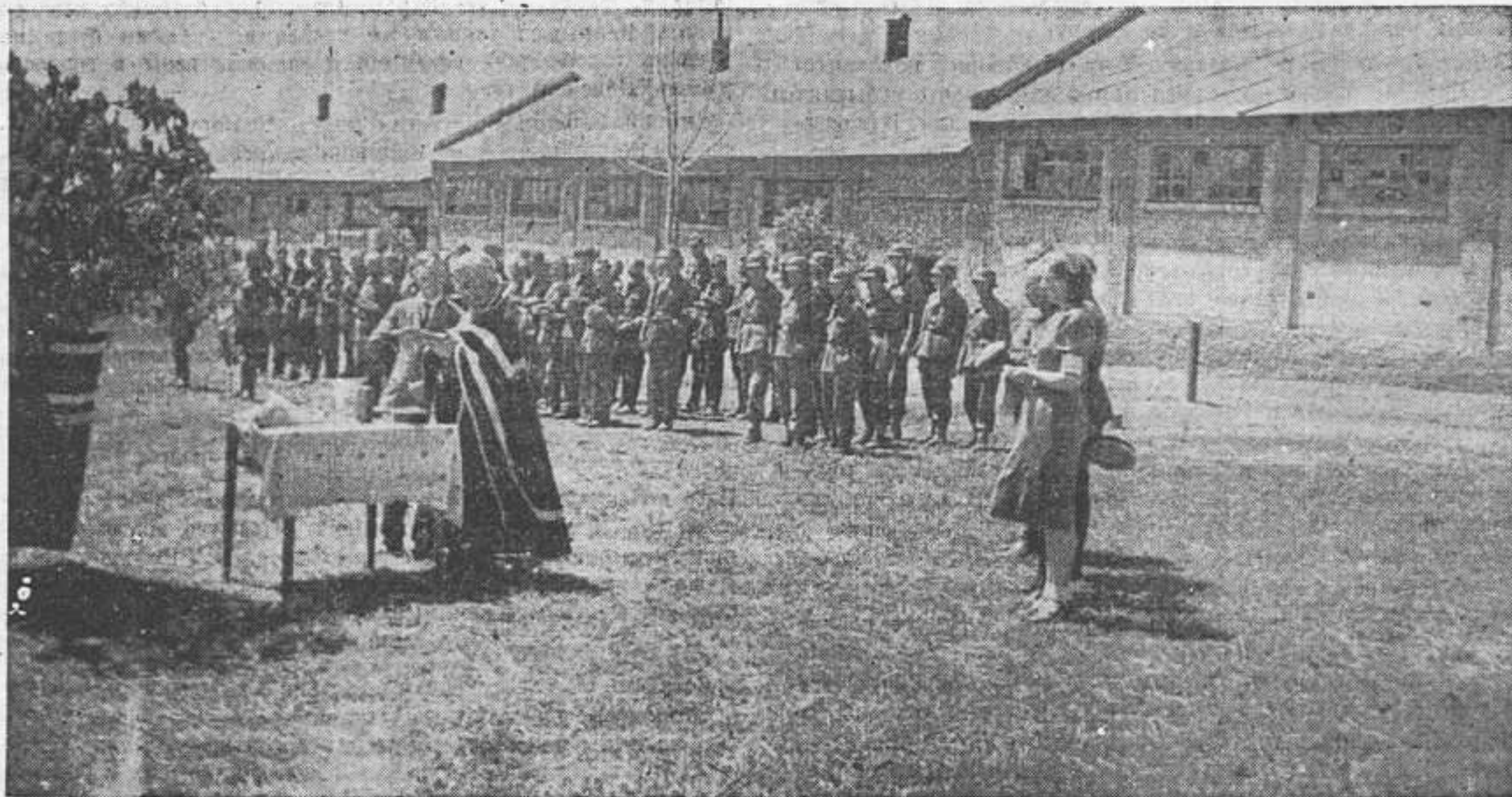
Не было похода, где не участвовали бы донские казаки; не было войны, веденной Россией, где Донцы не проливали бы свою кровь; не было сражения, где не отличались бы Донские полки....

Не было научного поприща или искусства, где не вписали бы свои имена Донские казаки.

Слава бывшего вольного Донского Государства преобразилась в славу Донского казачьего войска и прокатилась волною от берегов Атлантического океана до берегов Великого океана; от хладных вод Скандинавии до теплых голубых волн Средиземного моря.

П. Краснов

Конец первой части

Напутственный молебен перед походом

Роль общественных организаций в восстановлении сельского хозяйства

Бесспорно, что в хозяйстве главная роль принадлежит хозяину, руководящему собственными интересами. Он предвидит, комбинирует, изобретает, чтобы улучшить свое хозяйство, получить от него наибольший доход. За самыми редкими исключениями хозяин все делает лучше, чем нанятый рабочий, который только исполняет данные ему приказания, но не проявляет инициативы. Зная, что он делает чужое дело, он боится рискнуть применить свой метод, что либо предпринять по своему усмотрению; хозяин не имеет этого парализующего предпринимчивость страха, ему отвечать не перед кем. А без риска, без исканий, без преодоления рутины нельзя достичь большого результата. Если рабочий, даже очень добросовестный, все же значит в хозяйстве меньше, чем хозяин, то о рабочем подневольном говорить не приходится. Русское сельское хозяйство в крепостном праве встречало непреодолимый тормоз к прогрессу; оно только тогда стало развиваться, когда крестьянин был освобожден, помещик перестал пользоваться даровой рабочей силой, а земледелец получил землю и свободу трудиться над нею в собственных интересах, то есть обратился в хозяина.

Коммунизм отверг принцип свободы в хозяйстве, личную инициативу и право собственности и обратил трудящихся в безвольных исполнителей приказаний правительственных чиновников, которым передано руководство всем народным хозяйством в целом. Система эта порочна, и 25-летнее управление коммунистов доказало неопровержимым способом, что применение ее ведет ко всеобщему обнищанию и хозяйственному регрессу.

Но с другой стороны, применение принципов неограниченной экономической свободы имеет также свои минусы и история экономического развития народов дала этому бесчисленные доказательства. Эгоизм человеческий, пробуждающий инициативу, при неограниченной свободе действовать в своих интересах, является причиной эксплуатации экономически сильного более слабыми. Он создает не только возмущающие совесть несправедливости в общественных отношениях, но и огромную опасность общественных волнений, мятежей и революций. Государственная власть, которая имеет своей основной задачей общее благо, не может равнодушно наблюдать неправды жизни и обязана вмешаться, ограничивая экономическую свободу тогда, когда она направлена во вред другим членам общества. Она делает это, во первых, путем разумного регулирования свободы и репрессиями по отношению к нарушителям предписаний, во вторых, путем поощрения таких общественных организаций, которые имеют целью или защиту от эксплуатации, или создание таких хозяйственных предприятий, в которых личный эгоизм не может проявиться слишком вредоносно. К числу последних относятся кооперативы разного рода и сельско-хозяйственные общества.

Кооперация значит сотрудничество, совместная деятельность многих для достижения одной цели. Она известна была в глубокой древности, и в основе ее лежит христианский принцип любви к ближнему.

К сожалению, в эту прекрасную организацию внесены элементы, которые извратили ее сущность. Кооперативные учреждения не только в России, перед мировой войной, но и в Западной Европе были захвачены политическими партиями, которые пытались вести через них свою пропаганду, а также сделать их экономическими

своими отделами. У нас потребительская кооперация обратилась в тайный штаб социал-демократической партии, кредитная и сельско-хозяйственная — в передовой окоп социалистов-революционеров. И надо прямо сказать, что это не была кооперация, а лжекооперация, развращающая население и внушающая справедливое отвращение к себе в людях здравого разума и доброй воли.

Настоящая кооперация объединяет людей для хозяйственной деятельности, она дает возможность сообща выполнить такие задачи, которые отдельному хозяину не под силу. В области домашнего хозяйства потребительская кооперация, путем образования общего капитала, составленного из скромных взносов многих членов, и путем использования торгового кредита, позволяет делать на рынке закупки товаров прямо от производителей, минуя длинный ряд торговых посредников и тем понижая цены и доставляя продукты лучшего качества. Эта форма кооперации обслуживает по преимуществу городского обывателя, так как обыватель сельский большую часть этих продуктов производит сам в своем хозяйстве. Для земледельца гораздо важнее кооперация кредитная и сельско-хозяйственная, и ей предстает огромная будущность в деле восстановления разоренного хозяйства наших краев.

Советская власть уничтожила отдельные хозяйства земледельцев. Весь свой инвентарь, рабочий скот они должны были сдать в колхозы и сами поступить в них в роли крепостных или рабов коммунистических чиновников. Большая часть сданного в колхоз инвентаря пропала, так как не могла быть использована в крупном колхозном хозяйстве. Плуг на пару или две пары быков заменен был трактором, пароконная молотилка — молотилкой с двойной чисткой и нефтяным двигателем, косилка — комбайном. При возвращении от безумий коллективизма к осмысленному хозяйственному строю что может получить отдельный хозяин из колхозного имущества для организации своего единоличного хозяйства? — Почти ничего. Ни трактор, ни комбайн, ни сложная молотилка не нужны в хозяйстве на 10—20 десятинах; а то, что колхозы забрали из казачьего хозяйства — плуги, бороны, веялки и т. п., если уцелели от разрушения, то окажутся в количестве недостаточном для снабжения всех хозяев. Откуда же взять необходимый инвентарь?

Его не в состоянии купить на свои средства казак, восстанавливающий из ничего свое хозяйство, ибо он разорен и нищ. Ему не поможет и своя казачья власть, потому что в первое время сама будет терпеть крайнюю нужду на цели управления. Здесь широкое поле деятельности открывается перед кредитным товариществом. Кредитное товарищество сильно не собственным капиталом, который всегда скромен; оно сильно своей организацией, солидарной ответственностью всех своих членов по заключенным торговым и финансовым сделкам. Отдельному хозяину торговец не даст в долг плуг или борону, потому что не пожелает рисковать потерять свои деньги, ни судиться из за ничтожной суммы; ему не даст ссуду и частный банк, так как не заинтересован в приобретении грошовой клиентуры. Но кредитное товарищество получит кредит и от банка и от фабриканта земледельческих машин, потому что, объединив потребности своих членов, выступит в качестве гарантии кредита солидарную ответственность всех своих членов. Со своей стороны

Правление товарищества, получит кредит и само окредитовав своих членов, наблюдает — и имеет к тому полную возможность — чтобы взятый кредит был направлен заемщиком на нужды хозяйства, а не на удовлетворение своих домашних потребностей. И кредиторы товарищества зная, что Правление следит за правильным использованием ссуды, охотно дадут ему деньги и товары. Это не фантазия, а реальный факт, подтвержденный долголетней практикой прежней кооперации.

Если же товарищества объединяются в Союз, то такой Союз может искать кредиты не только на внутреннем рынке, который, конечно, будет слаб в первое время, а на рынке европейском, поскольку он оправится от потрясений войны, и здесь восстановится нормальная промышленность.

Еще большее значение в деле восстановления хозяйства принадлежит сельско-хозяйственным кооперативам по сбыту продуктов земледельческого труда, по мелiorации земель, совместному использованию сложных машин и орудий. Устройством зернохранилищ можно достигнуть выгодного сбыта хлеба; сбором шерсти, яиц, щетины, пуха, пера, отбросов хозяйства вроде конского волоса, копыт и рогов можно создать значительное производство в хозяйстве, так как на все эти продукты существует спрос, но спрос на крупные партии, которых не может дать отдельное хозяйство.

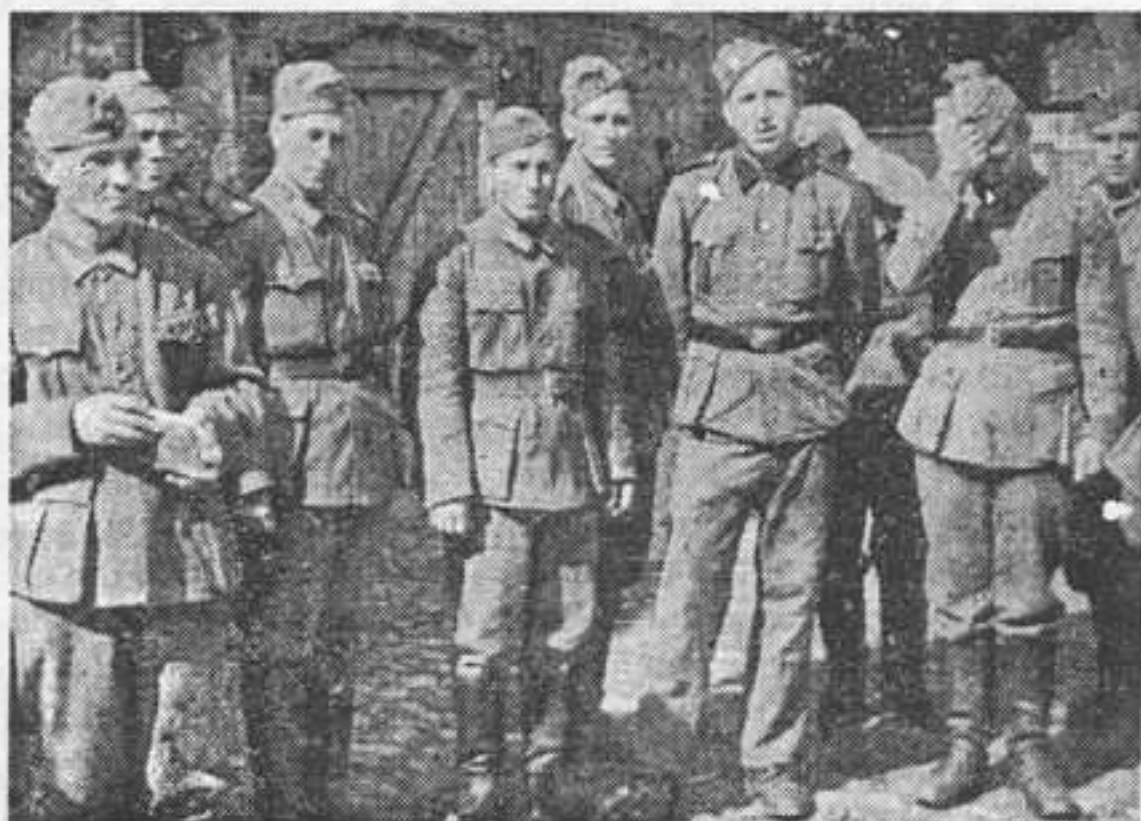
В казачьих областях, где много степных покосов и лу-

гов, где когда то процветало животноводство, крупная роль предстоит маслодельной кооперации. Только при помощи кооперации можно собрать молоко, переработать его на масло и сыр и сбыть на внешнем рынке. В течение 20—30 лет Сибирская маслоделательная кооперация завоевала прочное положение на рынке, сбывая в Европе сотни тысяч пудов масла и успешно конкурируя с датской кооперацией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией.

Кооперативное движение, правильно организованное, строго держащееся своей задаче — действовать только в области экономической и не уклоняться в чужую область политики или культуртрегерства, — является могущественным средством к восстановлению хозяйства. И потому оно заслуживает самого благожелательного отношения со стороны органов общественной власти, которые должны, однако, следить, чтобы руководители кооперативных учреждений не отвлекались от своих целей. Но и на этом пути кооперацию подстерегает серьезная опасность: это чрезмерное увлечение экономическим результатом своей деятельности, превращением кооператива в торговое предприятие, занятое исключительно увеличением доходов своих членов. Это извращение целей кооперации, забвение основного принципа христианского сотрудничества. Против такого увлечения власть имеет средство: обложение сверхприбылей высоким налогом, что возвращает увлекшихся на путь благоразумия.

С. Марануев.

Казачи у немецких крестьян

Группа казаков посетила несколько немецких сел для ознакомления с постановкой сельского хозяйства в Германии. С большим интересом казаки осматривали фермы, где им были даны подробные объяснения техники и методов, применяемых в столь близкой им отрасли труда.

Шиншиллы

Председатель колхоза «Красная Звезда» Зверев среди ночи был разбужен страшным стуком в дверь. Тем стуком, которым обычно пользуются «товарищи» из большого дома. Жена Зверева сразу заголосила, испуганные дети хором заплакали, а сам Зверев в поисках штанов, метался из угла в угол, ничего не соображая. Наконец, дверная щеколда не выдержала, согнулась, и в хату ввалился здоровенный детина. Все сразу притихли.

— Иван Петрович, — взволновано заговорил детина, оказавшийся членом сельсовета Карасевым, — скорее в сельсовет! Срочно!... Приехали из Рика и требуют сейчас же!

Иван Петрович дрожал всем телом и никак не мог зажечь лампу.

— Да ты не бойся, это только по делу, по срочному...

В сельсовете, кроме председателя сидел заврайзо Грибов, агроном и уполномоченный НКВД Громов. При виде последнего, у Зверева опять все оборвалось внутри и он еле удержался на ногах.

— Садись, тов. Зверев, — ободрил его заврайзо. — Разбудили тебя, но ничего. По такому делу можно и разбудить. По решению партии и правительства, ваш колхоз должен изменить свое направление и сделаться кролиководческим.

Зверев, присев на сломанный табурет, окончательно растерялся. Он часто моргал и щипал себя за ухо, думая, не приснилась ли ему вся эта чертовщина.

— До утра ты вместе с агрономом, — продолжал Гри-

бов, — познакомишься с новым профилем колхоза, а утром на собрании выступишь за изменение направления колхоза...

Под влиянием тов. Громова новое направление колхоза было принято на собрании единогласно. Местом для крольчатника выбрали участок, прилегающий к лужскому полигону.

Забросив все полевые работы, колхозники принялись за устройство крольчатника, Валили столетние мачтовые сосны, строили забор, кормушки и прочие кроличьи атрибуты. Бабы недовольно ворчали, то и дело вскрикивая: «Из-за этих проклятых кроликов этак и картошка останется в поле на зиму не выкопанной». Но ничего, хотя и ворчали, но все же работали. Наконец, все было готово и пятьсот шиншилл были выпущены на огороженный участок. С разрешения райзо, кроликов решили содержать без клеток. Пусть, мол, они сами, от нечего делать, себе жилище устраивают, благо почва песчаная, для нор дюже самая подходящая. Вначале все шло чин-почищу. Кролики бегали по загороженному участку, ели овес и колхозную морковку, а колхозники принялись за копку картошки и возку хлеба. Но потом... потом все шиншиллы сразу пропали. Были кролики и нет кроликов. Обыскали весь участок — ни одного. Как в воду канули. Опять всполошились колхозники: шуточное ли дело, государственные шиншиллы сгинули!

— Не расстраивайтесь попусту, — вмешался девяностолетний дед Ануфрий. Ясное дело — кролик! Он в землю ушел, закопался в норы и сидит там себе спокойно. Глядите, ночью все вылезут на кормежку. Кролик тот же заяц — ночной зверь.

Вечером кроличий директор, так звали заведующего крольчатником Егора Спиридинова, назначил дежурных, развел их по всему участку, рассадил всех: кого за пень, кого за куст, кого в ложбинку. Приказал сидеть тихо и смотреть откуда будут вылезать пропавшие грызуны. Сам тоже устроился недалеко от входа. Просидели всю ночь, промерзли до самых костей, но ничего так и не увидели. Тщательно обыскали все: заглядывали в ямы, под пни, но зверки как в воду канули.

Ночью выпал снежок — первая порошь. Утром за крольчатником поднялась стрельба. В избу Зверева вбежал запыхавшийся сынишка Спиридонова:

— Дядя Ваня, городские охотники наших кроликов за оградой бьют! Поди десяток уже ухлопали. С собаками, они их сразу разыскали.

Загадка разъяснилась: шиншиллы под поваленной ветром сосной у самого забора хитро сделали подкоп и все ушли в лес. Охотников с убитыми «зайцами» отправили в сельсовет, а колхозников вместе с детишками мобилизовали на ловлю «беглецов». За день поймали только пятерых, а трех, расвирепевшие колхозники прибили палками.

— Кролик, он что? — животное не сообразительное. Гонись за ним, а он убегает. А разве догонишь его оканного. Вот если бы на них всех деревенских собак пустить... Рассуждал Спиридонов вечером на колхозном собрании.

Собаки что, они порвут их всех, а нам отвечать придется — возражал Зверев.

— Надо разломать побольше дыру в заборе и попробовать загнать их гоним, — предложил член правления Щукни. Предложение Щукина приняли, но «беглецы» и в дыру не шли, а все ушли в лес. За неделю поймали около десятка полтора, потом приехал Громов увез с собою Зверева, Спиридонова и агронома, как предателей, а из района приказали прекратить ловлю и срочно строить клетки для новых трехсот шиншилов.

Пока все были заняты постройкой клеток, ударили морозы. Новых жильцов рассадил по клеткам и установи-

ли круглосуточные дежурства. А то еще какой дурак откроет клетку и опять мясная проблема в лес удерет. Зима прошла спокойно. Вместе с весной пришла в колхоз новая беда. Приехал посмотреть на зверьков заврайзо Грибов.

— Ну как шиншиллы?

— Ничего растут. Весь овес сожрали проклятые и все овощи на них извели. Сами голодать начинаем...

— Сколько же у вас штук теперь?

— Двести семьдесят — смущенно ответил директор.

— Как двести семьдесят? — бешено заорал зав.

Идцать околело.

— Околело! — а приплод где?

— Какой приплод? — удивлено спросил директор.

— Ну молодняк, где?

— Никакого молодняка мы не получали.

— Вот голова садовая. Да где те, которые народились за это время?

— Никто не родился.

— Как не родился?! заорал опять зав.

— Нет, — совсем растерянно ответил директор.

Вскоре и эта загадка разъяснилась. Оказывается кроликов, как везли в вагоне самцов отдельно от самок, так отдельно в клетки и посадили. Опять приехал Громов, опять увез с собой нового кроличьего директора и нового председателя колхоза. Животных рассадил как следует и началось размножение. Новый кроличий директор и предколхоза, присланные на этот раз из района, ходили задрать головы. И вдруг первого июня, ни с того, ни с сего, сразу сдохло больше полсотни штук. На второй день столько же, на третий день 70. Опять переполох. Вызванные ветеринары и зоотехники ломали себе головы, а шиншиллы дошли как по команде. Наконец, когда остались последние 50 штук приехал какой то профессор из Ленинграда. Когда он вскрыл кролика, на полигоне началась очередная стрельба.

— Что это? — испуганно спросил профессор.

— Ничего. Это полигон рядом, так орудия испытывают, — успокоил его председатель.

— Ну вот, теперь все ясно — держа в руках кроличье сердце произнес профессор. — Ваши питомцы дохнут от этих испытаний орудий. Кролик не переносит орудийных выстрелов и у него разрывается сердце. Когда началась стрельба на полигоне?

— С 1-го июня.

— А когда начали зверьки дохнуть?

1-го июня.

— Понятно? — спросил профессор.

В этот же день сдохли последние шиншиллы.

Н. Владимиров

РОЗЫСК

Подъесаул Уральского Войска Н. М. Верушкин просит казаков-уральцев откликнуться. Фельдпост 48607.

Кабанов Леонтий Кондратьевич, станицы Акишевской Хоперского округа В. В. Донского разыскивает брата Василия. Фельдпост 48472 В.

Анимов Николай казак хут. Рощинского Баталпашинского отдела Кубанской Области разыскивает брата Федора. Фельдпост 48354 В.

КАЗАЧИЙ КАЛЕНДАРЬ на 1944 год

в скором времени выходит из печати в издании журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

и будет разослан воинским частям.

В продажу календарь не поступает.

Г Е Т М А Н

Повесть

(Продолжение*)

Райка, как работала при советах кассиром правления колхоза «Новый путь», так и дальше продолжала работать. Ей было, в сущности, безразлично — чья власть. Она дружила с сельскими комсомолками, но сама в комсомол не записывалась, знала, что бабушка будет против. А бабушка помнила царские времена, любила их и частенько рассказывала внукам про былое. Райка, разумеется, посмеивалась, но что-то западало в ее душу, и она была не совсем своя среди партийцев. Впрочем, эти тоже были не совсем свои на селе: большинство их было пришлыми из городов, из Баку, Ростова, Ставрополя. По началу примитивность, внешняя бедность деревенской жизни отталкивала их. Но понемногу они и их жены обнаруживали, что здесь можно жить не столь красиво, зато весьма сытно, среди изобилия пшеницы, винограда, свиней и гусей. Так в селе образовалось крепкое советское ядро, прекрасно учитывавшее выгодные стороны жизни возле колхоза: разные организаторы, секретари, учетчики, нарядчики и прочие. Жены их перекумились со всем селом, и спайка получилась довольно плотная. Теперь, через десять лет после страшного 33-го года, когда население края на треть убавилось от голода и последовавших за ним выселений, трудно было уже разобрать, кто чем дышит. Появление немецких войск, как крепкий реактив, вызвало ускоренный процесс кристаллизации этого сложного раствора.

Рая остаток дня пробродила по дворам, составляя списки. Уже смеркалось, когда она вернулась домой, усталая, вытщила из печки соус из баранины и пшеничную кашу, поужинала, залезла на печь и заснула. Она не слышала, как собралась ужинать вся семья, как зажгли керосиновую лампу, как Митюшка заявил, что хочет жениться, а отец насмешливо спрашивал, которую из приметных сельских невест ему сватать. Она проснулась только тогда, когда Надька забралась с ней рядом на печку и толкнула ее, укладываясь. Лампа еще горела, бабушка пряла, ловко скручивая в нить наткнутую на гребень белую, нежную шерсть. Колесо, звуча, равномерно вертелось, вертено то касалось пола, то снова подлетало на упругой, крутящейся нитке. Отец, разложив локти на столе, проставлял цифры в большой ведомости, задумываясь, соображая и подсчитывая. Он заведывал молочно-товарной фермой.

На печи было жарко, Рая лежала вся потная, но не шевелилась, дожидаясь, пока отправятся спать отец и бабушка. Он писал еще минут десять; наконец зевнул, потянулся и сложил ведомость.

— Кончил? — спросила старуха.

— Кончил. Спать охота.

— Да и пора уже. Скоро десять.

«Ох, проспала! — подумала Райка. — Да как уйдешь?»

Но уйти ей все-же удалось. Бабушка улеглась на нары у печки (Райка точно высмотрела, где лежала ее подушка) и скоро захрапела. Отец погасил лампу и ушел спать в другую хату. Райка выждала еще и, по-кошачьи осторожно, хватаясь за выступы печки, спустилась по карнизу на пол, не задев бабушкиной постели. Впрочем, она знала, что старуха спит мало, но крепко. Неслышно и ловко Рая собрала одежду, ботинки, нажала щеколду и выскользнула, не скрипнув дверью. В сенях она оделась. Кошка вышла следом за ней и терлась у ее ног, громко мурлыча и светясь зелеными глазами. На наружную дверь Рая потратила минуты две, но и ее отворила безшумно.

Лунная ночь высоко стояла над селом, над степью, над сонной и тихой землей. Было прохладно, но не холодно. Привычные, всегдашние запахи медленно плыли в томном, ленивом воздухе: степным бурьяном, кизячным дымом, полынью, навозом пахла прозрачная ночь. Рая постояла в тени, на узком, без перилец, кирпичном крыльце, — кошка опять ходила около нее, выгибая спину, — и сошла на

двор, как в голубую, холодную воду. За ней сейчас-же легла ломаясь, черная тень. Рая пошла к саду, осторожно сдвинула воротца и стала медленно спускаться вниз. У шелковицы уже давно ждал ее кавалер, Володька Мальчиковский. Он улыбнулся и вышел ей навстречу из широкого круга тени.

— Поздно, поздно, Раиса Сергеевна. Я уж уходить хотел.

— Чего-ж не ушел? А я заснула-было, да и позабыла. Потом прокинулась — чего это я не сделала, думаю? Тут вспомнила про твою записку. Ну, чего звал? Что такое необыкновенно важное стряслось?

Володька, улыбаясь, слушал, как Райка врала ему.

— Видеть тебя хотел, — сказал он.

— Ну, смотри. А еще что?

— Еще что? Вот пойдем, сядем, тогда скажу.

Он повел ее вглубь тени, где у ствола шелковицы лежала его черная бурка. Рая недоверчиво взглянула на Володьку, но его лицо было спокойно, как всегда, розовые девичьи губы улыбались, а длинные голубые глаза, щурясь, смотрели на нее непонятно, не то холодно, не то жарко. Она хотела уйти, но холод его глаз, как всегда, победил, и она послушно села на бурку. Он лег рядом с ней, взял ее теплую руку и начал рассказывать разные мелкие события деревенской жизни. Но тепло ее руки, слышное ему дыхание, биение молодой, сладкой жизни рядом с ним пьянили его. Да и она слушала невнимательно. Он замолчал, приподнялся и обнял ее плечи. Она хотела отстраниться, но и в ней вставала та же сильная, горячая волна, что и в нем. Губы их встретились. Он целовал ее, чувствуя, как слабеет, как мягко и тяжело ложится на его руки ее большое, ставшее гибким и покорным тело. Сдерживая дыхание, не прерывая поцелуя, он стал медленно и осторожно опускать ее на бурку. Она не сопротивлялась. Вдруг Володька почувствовал, что губы ее перестали ему отвечать. Она высвободила одну руку и оперлась о землю.

— Что ты, Рая?

— Слышишь?

Далеко, высоко точно басовая струна пела в воздухе. Звук равнодушно рос и приближался.

— Ну, слышу. Самолеты. Так нам-то что?

— А ну, как бомбить будет?

Володька засмеялся.

— Чего ему у нас искать?

— Нет, я боюсь!

— Эх, ты! Какая же ты мне жена будешь, если всего боишься? А если воевать пойду?

Райка быстро взглянула на него. В первый раз говорил он такие слова.

— Зачем ты пойдешь воевать? Мало тебе, что в полицию записался? Помощник начальника, легко сказать! — Случись что — первая пуля тебе.

— Эх, Райка, Райка! Хорошая ты девушка, а понимаешь мало.

— Чего я не понимаю?

— Не понимаешь, в какое время живем, — серьезно сказал Володька.

Луна передвинулась, и узкий луч упал в их темное убежище, освещая его лицо. Оно было строго и почти незнакомо девушке.

— Чего-же ты по горнякам и камышам ховался, когда тебя в красную армию призывали, если тебе уж так воевать хочется, — спросила Райка и тут-же почувствовала, что сказала глупость: так быстро повернулся к ней Володька, так холодно блеснули аквамаринном его глаза сквозь светлые ресницы.

Он спокойно сказал:

— Потому тогда и прятался, что сейчас не прячусь, а сам иду. Мне не все равно, с кем драться, за что драться. Я за советы кровь проливать не пойду.

— А за немцев?

— Да не за немцев-же, а за всех. За деда, за землю, за тебя, глупую. Не за немцев, а с немцами, раз уж сами, без

* Началом см. в № 15 «На Каз. Посту».

них, мы с комиссарами не справимся. Не рассказывал я тебе, как я товарища Либермана бил?

Слухи о том, что перед вступлением немцев группа молодежи, скрывавшейся в камышах от призыва, изловила спешно уезжавших на тачанке комиссаров и избила их, доходили, конечно и до Райки. Но подробностей она не знала. Володька оживился и со смехом рассказал, как они выскочили из камышей с охотничьими ружьями и открыли огонь по тачанке. Комиссары до того растерялись, что не стали отстреливаться. Ребята исколотили их с наслаждением и отпустили ободранных, в крови, но живых.

— Я его в Просторном видела, Либермана, — сказала Райя. — Важный такой, не подойдешь. На Первомайской демонстрации стоял, парад принимал.

— Да, и по всей России стояли такие Либерманы, а мы перед ними проходили и им ура! — кричали. Нет, Райя, довольно с меня ихнего царства! Мне еще в школе тошно было, когда мы конституцию прорабатывали. Что написано, а что на деле выходит?

Они долго еще говорили. Поднялся ветер, тучи заволокли небо. Стало холодно. Снова послышалось в небе пение самолетов.

— Назад летят, отбомбились. Слышишь, по иному гудят? Вперед они нагруженные, тяжело шли, с перебоями. А назад — налегке, ровно поют.

— Сколько их?

— Почему же я знаю? Слышишь, прямо над нами идут. Вперед они правее взяли, через Ак Булат.

— Ох, Володька я боюсь!

— Поди сюда, спрячу.

Он обнял ее, прижал к себе и поцеловал крепко и нежно. Было что-то новое в этом поцелуе, чего раньше не знали оба. Она радостно и счастливо прильнула к нему.

— Когда же свадьбу играть будем? — спросил он, поднимая ее лицо и удивляясь его новой, сияющей красоте.

— Это уж как бабушка, — шепнула она, скользнула из его рук и стала поправлять растрепанные волосы.

На селе запели, переключаясь, петухи. Ночь кончалась. Влюбленные распростлились и разошлись — Райка домой, а Мальчиковский — в полицию.

«А что в разведку идем, я ей так и не сказал», — подумал он, подходя к полиции, где уже двигались огоньки ручных фонарей, седлали коней и раздавались голоса.

III. АРЕСТ

Обязанности переводчика в большом селе, занятом воинскими частями, многообразны. Люди приходят за пропусками; являются отпущенные военнопленные; приходят солдаты со своими квартирными хозяйками чтобы сговориться насчет молока или яиц; прибегает перепуганный представитель МТФ — у него лошадь больна чем-то вроде сапа; приходит директор школы и спрашивает, можно ли оставить в школьной библиотеке сочинения Максима Горького. Часто плачут; еще чаще врут; счень часто пытаются дать взятку. Во всем этом потоке необходимо разобраться, быстренько проверить, действительно ли староста по злобе преследует жалобницу, или сама жалобница злобно укрывается от работы, от общественных обязанностей, и теперь пытается добыть защитную «бумажку» от коменданта, зная, что немцы доверчивы и с трудом переносят вид женских слез.

Разумеется, мне, человеку чужому в этом краю, было бы совершенно невозможно решать, чьи просьбы следует удовлетворять, а чьи — нет. Комендант спросит опять-же меня. Значит, надо наводить справки. Где-же? У старосты — раз, у полиции — два. И вот, через день после сходимки, в одиннадцать часов утра, закончив прием в волостном правлении, я шла в полицию, длинное здание, вмещавшее заодно и «арестный дом». Впрочем, это учреждение большей частью пустовало: село было мирное.

В дежурной, страшно прокуренной, дремал у стола самый старый из наших полицейских. На звук отворенной двери он поднял голову и посмотрел на меня сонными глазами.

— Где Антон Васильевич?

— Еще не вернулся.

— До сих пор? А кто за него?

— За него? — Старик недоуменно пожал плечами. — Да вот я за него.

— А где Мальчиковский?

— С ним вместе уехал. Я один остался, да Василий. Тот по селу дозором пошел, а я так все тут и сижу. Говорили, вчера к вечеру вернутся, а их и доси нет.

«Ну, гетман! — подумала я. — Будет ему от коменданта. Это ж вместо четверых — 20 человек в разведку поднял!»

Делать здесь было нечего. Я пошла в комендантуру, где лейтенант также проявлял некоторую тревогу за нашу полицию, тем более, что он знал, что у Арамацкого, в тридцати километрах от нас, дня два тому назад произошло довольно крупное столкновение между стоявшей там компанией немецких егерей-танкистов и пробравшейся через камыши красной кавалерийской частью.

— Неужели вы думаете, г-н лейтенант, что он поехал туда? Ведь приказ был такой определенный! А я знаю нашего шефа полиции, он человек дисциплины...

Лейтенант рассмеялся.

— Вы его знаете, вы русская и должны его понимать. И все таки вы ошибаетесь, а я, чужой и иностранец, лучше понимаю его — как мужчина мужчину, может быть. Вот увидите, придется мне посадить вашего шефа полиции, человека дисциплины, дня на три под арест.

В довольно неприятном настроении я ушла домой обедать. По пути я обогнала нашего старосту, мирно шествовавшего по улице, подпираясь палкой. В начале своей деятельности, только что избранный на пост старосты, он, несколько сбившись с толку, решил, что старые названия дают старые права и стал администрировать à la Петр Великий, дубинкой. Это повело ко многим недоразумениям, к нескольким крупным разговорам и, наконец, после одной такой беседы с комендантом, в которой молодому лейтенанту пришлось прикрикнуть на старика, палка старосты заняла подобающее ей место.

— Алексей Семенович, не знаете, где наша полиция?

— Да чего ты, дочка, так за нее волнуешься? Все у нас, слава Богу, тихо, можем денек-другой и без полиции прожить.

Он был совершенно прав. И все же мне было не по себе, точно предчувствие какое-то не давало покоя. И предчувствие оправдалось.

Пришедший с Кавказа Свиридов выходил вечером этого дня после работы из кузнечной мастерской Нового Пути. Было уже довольно темно, и он не мог сразу разобрать, что за существо копошится возле большого бака с горючим. Он подошел поближе. Существо приобретало все более отчетливые контуры человека — а у человека в руках был какой-то инструмент, и он что-то делал с баком. Свиридов хотел окликнуть его, но раздумал и стал заходить с той стороны, где лежал выход на широкую, пустынную, темнеющую улицу, близко упиравшуюся в степь. Человек, увлеченный своей работой, не замечал его. Свиридов подошел совсем близко и громко закричал. Тот вздрогнул, выронил бидон, в который цедил горючее из дыры, просверленной в стенке бака, и хотел бежать, но Свиридов бросился на него и удачным ударом сбил с ног. На крик и шум борьбы выбежали люди из кузни. Позднего посетителя скрутили, принесли фонарь — и сразу опознали: это был бывший председатель колхоза, носивший странную фамилию: Семерка. Было известно, что он партизан, скрывается в прикумских камышах и держит связь с селом через кого-то. Этого кого-то все не удавалось установить. Даже и теперь, когда случай выдал самого Семерку, его помощники оставались необнаруженными.

— Куда же его теперь? — спросил один кузнец.

— К коменданту прямо, — ответил, задыхаясь, Свиридов.

— Давай сначала в правление, там светло, отчет работают, да и охрану вызвать надо — кто его как-то поведет?

Это было резонно. Семерку, с руками, связанными за спиной, ввели в то самое правление колхоза, где он еще два месяца тому назад был полновластным господином. Он щурился от яркого света, поводил плечами и неловко стоял посреди большой комнаты бухгалтерии, враждебно озирая лица. Почти все были прежние работники. — Но они молча жалась подальше от своего бывшего начальника. Обе стороны одинаково дурно думали друг о друге в эту минуту.

Дверь разпахнулась и в комнату влетела ничего еще не знавшая Райка с бумагами в руках. Она ахнула и остановилась.

Семерка криво усмехнулся.

— Не признаешь?

— Признаю, Василий Иванович, — робко сказала она.

— И то ладно. — А то вон они носы воротят, гады. Будет вам уже!

— Не разговаривать! — прикрикнул кузнец, взявший на себя роль распорядителя. — Ступай-ка, девушка, пощи вашего курьера, нехай до коменданта и до полиции живо слетает, чтобы забрали это чудо морское.

Райка побежала искать курьера, пятнадцатилетнего мальчишку, лихо скакавшего на малом коне, как и все ребята этого полуказачьего народа. С этого момента начинается неразбериха, которую так и не удалось впоследствии распутать. Так, в частности, осталось невыясненным, кто и почему решил вести Семерку в полицию, ночью, по темным улицам, без вооруженной охраны, не дождавшись возвращения посланного к коменданту парнишки. Словом, Семерку вывели из правления — и он исчез среди мутной ночи, среди полуразваленных заборов и пустырей нагорной части села.

(Окончание в след. номере)

Татьяна Левшина

На ученьи

Слышишь ли, Дон?

В небе глубоком
Месяц плывет,
Дышит земля ароматом.
В крае ж далеком
Солнца восход
Отблеск бросает по хатам.

Дикая воля
Раздольных степей
В каждой былинке таится,
В утреннем сумраке
Легкой волной
Дон величаво струится.

Бедная родина,
Кто над тобой
Так жестоко надругался?
В зареве жутком
Горящих станиц
Призрак кровавый промчался.

Бедная родина,
Что тебя ждет?
Будешь-ли рабства странюю,
Или поможет
Германский народ,
В бой поведя за собою?

Будет твой сын,
Как велось в старину,
Гордо носить эполеты
Будет ли конь,
Закусивши узду,
Мчать казака с эстафетой?

Будут ли в бочках
Вина донские
Тьмою подвалов бродить?
Будут ли песни
Казацьи лихие
Кочетов ранних будить?

Будет ли голос
Казачки молодой
Вторить чубатому мужу,
Или станицы
Затопит нуждой,
Голодом, скукой и стужей?

Помни же Дон,
Что твои сыновья
Верны тебе остаются.
Помни, что жива
Казацья семья;
Жди, и казаки вернуться.

Видишь сидят уж
Они на конях,
Остро отточены пашки.
Мужество в сердце
И сила в руках,
Чуб из под синей фуражки.

Дрогнет сигнал
И помчатся полки
Сотня за сотней в атаку.
Кровью за подлость
Заплатят враги,
Кровью заплатят казакам.

В сумраке утреннем
Легкой волной
Дон величаво струится,
Утренний ветер
В ширь степной
Бродит, играет, резвится.

Ветер, резвясь,
В Украину занес
Запахи края родного,
Сжалось сердце...
Слышишь ли, Дон,
Это сыновнее слово?

Вс. Мосичкин